

УДК 323

DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-5-37-43

**НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН:
СПЕЦИФИКА СИМВОЛИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ****NATIONAL-STATE IDENTITY OF RUSSIANS: SPECIFICS OF SYMBOLIC FOUNDATIONS**

В. В. Титов, Департамент политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет
при Правительстве РФ, г. Москва
VVTitov@fa.ru

V. Titov, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the
Government of the Russian Federation, Moscow

Исследование посвящено специфике символических оснований национально-государственной идентичности современных россиян. Методология исследования построена на комбинации дескриптивного политического и структурного анализа. Теоретический фундамент работы сформирован за счет синтеза элементов концепций «изобретения традиций» и «воображаемых сообществ».

Автор приходит к выводу, что для национально-государственной идентичности российских граждан характерны такие признаки, как лакуарность, диспропорция в плане репрезентации хронологических образов (на фоне отсутствия образа будущего имеет место четко выраженный акцент на коллективном прошлом), конфликт между группами символов, формирующих нарратив политики памяти, размытость восприятия «значимых других» и наличие противоречий в рамках позиционирования одних и тех же символов на разных уровнях идентичности (национальной, этнорегиональной и т. д.). В качестве вероятных причин формирования обозначенной специфики выступают отсутствие стратегического и системного подходов к формированию политики идентичности, конъюнктурный характер последней, игнорирование в ходе ее планирования таких факторов, как влияние внешней «мягкой силы» и развитие альтернативного политического дискурса на площадке социальных медиа

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; символ; образ прошлого; образ будущего; «значимые другие»; «изобретение традиций»; «воображаемые сообщества»; политические технологии; политический миф; политика памяти; советская традиция

The presented study is devoted to the symbolic foundations' specifics of the national-state identity of modern Russians. The research methodology is based on a combination of descriptive political and structural analysis. The theoretical foundation of the work is formed through the synthesis of such concepts' elements as "invention of traditions" and "imaginary communities".

The author comes to the conclusion that the national-state identity of Russians is characterized by such signs as lacunarity, disproportion in terms of the representation of chronological images (against the background of the lack of an image of the future, there is a pronounced accentuation of the collective past), a conflict between groups of symbols that form a memory policy narrative, ambiguity of perception of "significant others" and presence of conflict in the framework of positioning the same symbols at different levels of identity. The probable reasons for the formation of the indicated specificity are the lack of a strategic and systematic approach to the identity policy formation, opportunistic nature of the latter, ignoring during its planning such factors as the influence of external "soft power" and development of alternative political discourse in the social media

Key words: national-state identity; symbol; image of the past; image of the future; "significant others"; "invention of traditions"; "imaginary communities"; political technologies; political myth; politics of memory; Soviet tradition

Введение. В рамках современных социально-гуманитарных дисциплин процесс формирования идентичности макросоциальных групп традиционно относится к числу объектов изучения, обладающих неизменной актуальностью. Сохранение высокой степени интереса исследователей к данной теме обусловлено двумя факторами. С одной стороны, формирование национально-государственной идентичности является непрерывным, с другой – идентичность служит одной из центральных тем политического дискурса в любой стране. При этом идеологические доктрины разных политических сил предполагают разнообразные варианты ее оценки и позиционирования, что естественным образом порождает конфликт мнений и широкую общественную дискуссию.

Особую роль в росте внимания к обозначенной теме играет также существенный объем накопленного эмпирического материала, до сих пор не введенного в научный оборот. В первую очередь это касается процессов, фиксируемых в последние десятилетия. Ярким примером в данном случае может служить степень изученности вопроса о символических основах выстраивания национально-государственной идентичности в современной России. За последние годы опубликован ряд работ, напрямую или косвенно затрагивающих данный вопрос. Его отдельные и несомненно значимые аспекты рассматриваются в публикациях И. З. Герштейна, М. А. Казакова [3; 4], П. К. Гречко [6], Т. В. Евгеньевой [8], Ш. Р. Кашаф [10], В. С. Комаровского [11], С. П. Перегудова [14], В. В. Регнацкого [15] и Н. Н. Седовой [16].

Вместе с тем, проблема использования символических ресурсов в целях конструирования общероссийской национально-государственной идентичности продолжает остро обсуждаться и сохраняет свою научную важность. Представленное исследование призвано способствовать ликвидации лакун в степени изученности указанной проблемы.

Объектом исследования является формирование национально-государственной идентичности россиян.

Предметом исследования выступают символические основы процесса генерации национально-государственной идентичности граждан РФ.

Цель работы может быть обозначена как выявление специфики символических осно-

ваний формирования национально-государственной идентичности россиян.

Обозначенная цель предполагает необходимость решения определенного круга задач, таких как:

– определить роль символов в формировании национально-государственной идентичности;

– выделить особенности символической базы национально-государственной идентичности россиян;

– оценить влияние политики идентичности государства на самоопределение россиян.

Методология и методика исследования. Методология представленного исследования сочетает в себе элементы политического дескриптивного и структурного анализа. Теоретические основания данной работы формируются за счет синтеза политико-психологических концепций «изобретения традиций», «воображаемых сообществ», а также политико-технологических подходов, представленных в исследованиях «политики памяти» и «символической политики». В технологическом ракурсе существенный интерес представляют труды С. И. Белова [2], О. Ю. Малиновой [13], В. В. Регнацкого [15] и ряда других авторов. При этом в рамках исследования сделан акцент на том «символическом потенциале» массового сознания российских граждан, который может быть эффективно использован в рамках конвенциональной модели реализации «политики идентичности» в современной России.

Результаты исследования и область их применения. Национально-государственная идентичность является одной из ключевых основ консолидации общества и легитимации существующего политического строя. Она в значительной степени опирается на объективные факторы, такие как экономические связи, языковое единство (либо родство), наличие универсальных элементов массовой культуры и т. д. Однако не менее важную роль в ее формировании, воспроизводстве и разрушении играет такой элемент, как символические основания. При этом, как показывает опыт, само по себе наличие экономических или культурных связей, форм ведения хозяйства не является обязательным условием интеграции сообществ: на это прямо указывают кейсы геттоизации районов, населенных мигрантами либо представите-

лями этнических и расовых меньшинств в США и Западной Европе [3].

Объективные предпосылки к консолидации макросоциальных групп нуждаются в наделении «эмоциональным смыслом». Последний придает связям между членами сообщества значение, превышающее по своей значимости прагматический интерес к кооперации [7]. И решение данной задачи представляется невозможным в отсутствие системы символов и ритуалов, используемых для создания и воспроизводства политического мифа о единстве. Миф в данном случае нельзя понимать как совокупность ложных знаний. Он представляет собой упрощенный и непротиворечивый, и потому хорошо адаптированный к специфике массового восприятия вариант нарратива, выступающего для сообщества в качестве модели истолкования политической действительности [21]. Базовым элементом мифа является символ, обладающий эмоциональным наполнением и воплощающий собой определенные ценности, стереотипы, модели мышления и поведения [17].

Формирующие идентичность символы выполняют ряд функций. Во-первых, обеспечивают выработку ингруппового фаворитизма, закрепляя представления о наличии у представителей группы определенных достоинств, выгодным образом отличающих их от представителей прочих сообществ. Во-вторых, на их основе выстраиваются образы «значимых других», в том числе – за счет тиражирования стереотипов аутгрупповой дискриминации (представлений о более низком статусе прочих сообществ) и аутгрупповой гомогенности (типового единства системы ценностей и модели поведения всех носителей «чужой» идентичности). В-третьих, символы служат ресурсом конструирования образов коллективного прошлого и общего будущего [16; 20].

Символическая основа национально-государственной идентичности является одним из важнейших ресурсов и в то же время инструментов управления поведением широких масс населения. Она одновременно позволяет решать задачи по их консолидации и дезинтеграции, мобилизации и «умиротворению», канализации деструктивных процессов, урегулированию конфликтов и управлению электоральным поведением [5].

Оценивая состояние символической основы российской национально-государ-

ственной идентичности, следует отметить наличие у нее ряда специфических черт.

Во-первых, для нее характерна высокая степень эклектичности. Элементы символического наследия СССР (преимущественно связанные с историей Великой Отечественной войны и темой «покорения космоса») сочетаются с фрагментами образов, унаследованных от Российской империи и оригинальными конструктами, созданными уже в постсоветский период. Внутри этой совокупности наблюдаются очевидные противоречия. Легитимация современных государственных символов во многом подразумевает необходимость придания негативной коннотации советской символике, поскольку РФ сформировалась в результате демонтажа СССР. Одновременно наблюдается конфликт между отдельными элементами советского и дореволюционного наследия. Например, положительное позиционирование образа Николая II естественным образом предполагает отрицательное восприятие образов революционеров.

При этом следует отметить, что существенная часть россиян по-прежнему является носителем советской идентичности. Некоторые из них восприняли данную традицию естественным образом, поскольку родились и прошли процесс политической социализации еще в СССР. Одновременно ряд представителей молодежи восприняли советскую традицию в идеализированной форме, чему способствовали рост социальной-экономической дифференциации и порождаемый им запрос на социальную справедливость. В 2014–2020 гг. данный тренд получил дополнительный импульс за счет затяжного падения реальных доходов граждан [8; 22].

Показательно, что российские элиты до сих пор не сумели выработать подход, который позволил бы объединить различные элементы символики, формирующей национально-государственную идентичность. Впрочем, влияние данного фактора несколько нивелирует «декоммунизация» содержательной стороны советской символики: сохраняя ассоциативную связь с темой социальной справедливости, символическое наследие СССР частично не ассоциируется с коммунистической идеологией или советским строем. Следствием этого стало возникновение «окна возможностей» в плане синтеза советской символики и политической традиции иных

периодов российской истории (от имперской до «новой России» 1990–2000-х гг.). Однако потенциал сочетания советской и «несоветской» символических традиций полноценно так и не использован государством. Более того, многочисленные «символические» противоречия и конфликты, имевшие место в российском обществе, интенсифицированы за счет реализации весьма непоследовательной по своему содержанию государственной политики памяти [8].

Упомянутые противоречия объясняются сбоями в работе каналов обратной связи между основной массой населения и политической элитой, а также своеобразной «эмоциональной искренностью» представителей истеблишмента. Последние зачастую демонстрируют нежелание считаться с моделью восприятия прошлого, присущей большинству россиян. Наглядным проявлением этого являются неудачные попытки ревизии истории первой половины XX в., провоцирующие преимущественно негативную реакцию со стороны основной массы населения. Как результат, сокращается потенциал управления общественным мнением, естественным образом заложенный в символической политике государства [1].

Во-вторых, особенностью символической основы национально-государственной идентичности россиян является *акцент на образе коллективного прошлого*. С одной стороны, он служит источником для выработки ингруппового фаворитизма за счет отсылки к достижениям предшествующих эпох, с другой – позволяет усилить консолидацию общества за счет сопереживания в рамках мемориализации общей утраты. И в том, и в другом случае первоисточником для создания символического ряда служат события Великой Отечественной войны. За счет сравнительной исторической близости они позволяют придать образам персональную значимость, в том числе через эмпатические связи с родственниками – современниками Великой Отечественной войны либо первых послевоенных лет [15].

Концентрация внимания на исторической повестке не сопровождается значимым ресурсным наполнением соответствующих гуманитарных дисциплин. В реализации политики памяти в рамках государственно-частного партнерства участвуют преимущественно относящиеся к кино- и телеиндустрии

коммерческие структуры, не привлекающие профессиональных консультантов в области истории, политической психологии, символической или мемориальной политики. Следствием этого становится осязаемое снижение качества производимого контента (ярким примером этого может служить кинокартина «Утомленные солнцем-2») [19]. В то же время следует отметить успех ряда частных проектов, создатели которых активно используют разработки ученых-гуманитариев (эталоном в данном отношении выступает игровой онлайн-проект «Мир танков»). Таким образом, бизнес, в отличие от государства и аффилированных с ним коммерческих структур, более активно использует прикладной потенциал гуманитарного знания [9].

В-третьих, можно констатировать *отсутствие полноценного образа будущего* в рамках современного содержания российской национально-государственной идентичности. Он не сформулирован в виде некоего «мегапроекта», доктрины либо образа, связанного с преодолением стратегических проблем российского социума. В лучшем случае будущее позиционируется в форме экстраполяции: воспроизведения текущей действительности, однако с более высокими показателями социально-экономического развития. Более того, в рамках публичного политического дискурса присутствует отрицание наличия у России будущего. Причем такого рода нарратив продуцируют представители не только радикальной оппозиции, но и действующей власти. В качестве наиболее известного примера такого рода заявлений можно вспомнить высказывание В. В. Володина: «Нет Путина – нет России» [11].

Отсутствие образа будущего способствует формированию и укреплению политических рисков. Россияне, занимающие в рамках сложившейся социально-политической модели позиции аутсайдеров или в целом не довольные существующей системой, рассматривают «вечную стабильность» как гарантию отсутствия перемен к лучшему хотя бы в отдаленной перспективе. Отсутствие такого рода надежд служит значимым стресс-фактором, подпитывая оппозиционные настроения, в том числе радикального характера [12].

Внимания заслуживает и отсутствие четкости в восприятии «значимых других». Как условные геополитические «враги», так

и «друзья» не воспринимаются однозначно основной массой населения. Исключением в данном случае является «крымский консенсус»: период 2014–2015 гг., для которого являлся характерным высокий уровень политизации сознания широких слоев населения на фоне конфронтации с «коллективным Западом» и активной фазы вооруженного конфликта на Украине [11; 12].

Связанная с одним актором символика может воплощать несколько его «ипостасей», обладающих и позитивной, и негативной коннотацией. Например, США и ряд государств Евросоюза, с одной стороны, воспринимаются как «враги». С другой стороны, эти же акторы воспринимаются частью российского общества как своеобразный «эталон» социально-экономического развития.

Китай рассматривается большинством россиян как своеобразный «союзник» России в рамках противостояния с Западом. Однако в то же время экономическая экспансия компаний из КНР в восточных регионах России вызывает серьезные опасения. Помимо того, неявный внутренний дискомфорт в российском обществе вызывает смена характера взаимоотношений Москвы и Пекина. Рост экономики КНР давно уже позволил властям Китая отказаться от статуса младшего партнера в рамках двухстороннего диалога. И это существенно подпитывает фантомные страхи россиян относительно превращения РФ в «сырьевой придаток» КНР [12].

Также размыто восприятие традиционных союзников России на постсоветском пространстве, таких как Беларусь и Казахстан. Традиционная установка на их восприятие в качестве «братских народов» подвергается эрозии в свете участвовавших экономических конфликтов и усиления националистических, русофобских элементов в их «политике идентичности» [Там же].

Наконец, роль значимого фактора, определяющего специфику национально-государственной идентичности россиян, играет диспропорция приоритетов в рамках многоуровневой системы социокультурных идентичностей в современной России, подпитываемая распространением бытовой ксенофобии. Как следствие, представители конкретных народов РФ начинают восприниматься как более «чужие», нежели внешние «враги», в достаточно широких слоях населения [18].

Ситуацию усугубляет и формирование мемориальных нарративов регионального уровня, которые содержат в себе негативное позиционирование присоединения той или иной территории к России.

Характерный пример: если в официальном историческом дискурсе России А. П. Ермолов является в первую очередь героем войны 1812 г. и человеком, внесшим существенный вклад в присоединение Кавказа к России, то в традиции многих этносов данного региона он позиционируется как завоеватель. Аналогичным образом в Татарстане неоднозначно трактуется процесс присоединения Казанского ханства к России [7].

Как результат происходит своеобразная «война символов», сформированных на разных уровнях идентичности, что создает благоприятные условия для инициации полноценных политических конфликтов, в особенности – в случае ухудшения социально-экономической конъюнктуры.

Заключение. В целом, следует сделать вывод, что для символических оснований национально-государственной идентичности россиян характерны лакуарность, диспропорция репрезентации хронологических образов, конфликт различных «символов прошлого» и отсутствие четкого восприятия «значимых других» в рамках системы координат «друг-враг», наличие существенных противоречий между символами, сформированными на разных уровнях идентичности (прежде всего, речь идет о конфликте общероссийской национально-государственной и ряда этнорегиональных идентичностей). Такие тенденции указывают на высокий уровень дисфункциональности современной модели формирования общероссийской национально-государственной идентичности и необходимость ее корректировки.

Причинами возникновения обозначенных проблем являются отсутствие стратегического подхода к выработке и реализации политики идентичности, ее конъюнктурный характер и игнорирование таких факторов, как влияние внешней «мягкой силы» и интенсивное развитие социальных медиа в пространстве Рунета. Государственная политика идентичности зачастую выстраивается без учета того, что на процесс самоидентификации граждан оказывают воздействие и иные акторы – как внутрироссийские, так и за-

рубежные. Реакция на фиксируемые риски носит неадекватный характер. Меры противодействия угрозам во многом сводятся к выполнению формальных процедур и ориентированы скорее на выполнение определенных отчетных показателей.

Возможно предположить, что наличие обозначенных проблем может быть связано как с нехваткой необходимых ресурсов и применяемых технологических алгоритмов, так и с недооценкой значимости и сложности задач, решаемых в рамках политики идентичности.

Список литературы

1. Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Человек в поисках идентичности. М., 2010. Т. 4. С. 255–281.
2. Белов С. И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 2. С. 269–277.
3. Герштейн И. З. Символика традиционализма в современной национально-государственной идентичности России // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2-1. С. 139–141.
4. Герштейн И. З., Казаков М. А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 36–42.
5. Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254.
6. Гречко П. К. К вопросу о национально-государственной идентичности // Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 36–46.
7. Денисова Г. С., Глушкова С. А. Особенности национально-государственной идентичности молодежи южных регионов России: сравнительный анализ // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 5. С. 81–92.
8. Евгеньева Т. В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // Ценности и смыслы. 2012. № 5. С. 27–37.
9. Иоффе А. Н. Идентичность сегодня: понимание, проблемы и пути становления общероссийской гражданской идентичности средствами образования // Преподавание истории в школе. 2015. № 2. С. 3–10.
10. Кашаф Ш. Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 64–71.
11. Комаровский В. С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. Т. 25, № 1. С. 5–11.
12. Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Россия и мусульманский мир. 2016. № 9. С. 5–15.
13. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
14. Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 141–163.
15. Регнацкий В. В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1. С. 39–46.
16. Седова Н. Н. Национально-государственная идентичность россиян и отношение к государственной символике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3. С. 29–35.
17. Селезнева А. В. Политические представления российской молодежи как основания формирования национально-государственной идентичности // Ценности и смыслы. 2012. № 5. С. 149–166.
18. Семенов И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 2. С. 5–24.
19. Силантьева М. В. Диффузная идентичность - современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 173–179.
20. Спасенников В. В., Голубева Г. Ф. Политико-психологические проблемы формирования и оценки национально-государственной идентичности молодежи // Universum: психология и образование. 2016. № 12. С. 25–28.

21. Edelman M. Myths, metaphors and political conformity // *Journal Psychiatry Interpersonal and Biological Processes*. 1967. Vol. 30, No. 3. P. 217–228.
22. Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington: Indiana University Press, 2011. 385 p.

References

1. Astafieva O. N. *Voprosy sotsialnoi teorii: Nauchnyy almanah. Chelovek v poiskah identichnosti* (Social theory issues: Scientific almanac. Man in search of identity), 2010, vol. 4, pp. 255–281.
2. Belov S. I. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* (RUDN Journal of Political Science. Series: Political Science), 2018, no. 2, pp. 269–277.
3. Gershteyn I. Z. *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* (International Research Journal), 2017, no. 2-1, pp. 139–141.
4. Gershteyn I. Z., Kazakov M. A. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* (Bulletin of the Nizhni Novgorod University named after N. I. Lobachevsky), 2016, no. 6, pp. 36–42.
5. Gofman A. B. *Voprosy sotsialnoy teorii* (Social theory issues), 2010, vol. 4, pp. 241–254.
6. Grechko P. K. *Tsennosti i smysly* (Values and meanings), 2015, no. 5, pp. 36–46.
7. Denisova G. S., Glushkova S. A. *POISK: Politika. Obshestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura* (POISK: Politics. Social Studies. Art. Sociology. The culture), 2016, no. 5, pp. 81–92.
8. Evgenieva T. V. *Tsennosti i smysly* (Values and meanings), 2012, no. 5, pp. 27–36.
9. Ioffe A. N. *Prepodavanie istorii v shkole* (Teaching history at school), 2015, no. 2, pp. 3–10.
10. Kashaf Sh. R. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* (North Caucasus Legal Bulletin), 2014, no. 2, pp. 64–71.
11. Komarovskiy V. S. *Vlast* (Power), 2017, vol. 25, no. 1, pp. 5–11.
12. Komarovskiy V. *Rossiya i musulmanskiy mir* (Russia and the Muslim world), 2016, no. 9, pp. 5–15.
13. Malinova O. Yu. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies Journal), 2010, no. 2, pp. 90–105.
14. Peregudov S. P. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies Journal), 2011, no. 3, pp. 141–163.
15. Regnatskiy V. V. *Sredne-russkiy vestnik obshchestvennykh nauk* (Central Russian journal of social sciences), 2015, no. 1, pp. 39–46.
16. Sedova N. N. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal), 2005, no. 3, pp. 29–35.
17. Selezneva A. V. *Tsennosti i smysly* (Values and meanings), 2012, no. 5, pp. 149–166.
18. Semenenko I. S. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* (Political expertise: POLITEX), 2011, vol. 7, no. 2, pp. 5–24.
19. Silantieva M. V. *Vestnik MGIMO Universiteta* (MGIMO Review of International Relations), 2012, no. 2, pp. 173–179.
20. Spasennikov V. V., Golubeva G. F. *Universum: psikhologiya i obrazovanie* (Universum: psychology and education), 2016, no. 12, pp. 25–28.
21. Edelman M. *Journal Psychiatry Interpersonal and Biological Processes* (Journal Psychiatry Interpersonal and Biological Processes), 1967, vol. 30, no. 3, pp. 217–228.
22. Petrone K. *The Great War in Russian Memory* (The Great War in Russian Memory). Bloomington: Indiana University Press, 2011. 385 p.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Титов Виктор Валериевич, канд. полит. наук, ст. науч. сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия. Область научных интересов: политическая психология, политика идентичности, национально-государственная идентичность
 VTitov@fa.ru

Viktor Titov, candidate of political sciences, senior researcher, Political Science and Mass Communications department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: political psychology, politics of identity, national-state identity

Образец цитирования

Титов В. В. Национально-государственная идентичность россиян: специфика символических оснований // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2020. Т. 26, № 5. С. 37–43. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-5-37-43.

Titov V. National-state identity of Russians: specifics of symbolic foundations // *Transbaikal State University Journal*, 2020, vol. 26, no. 5, pp. 37–43. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-5-37-43.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2020 г.
 Статья принята к публикации: 12.05.2020 г.